

«Две коалиции вот уже несколько времени открыто соперничают между собой, - так начал он свою записку. - Одна из них стремится к модерантизму (излишней умеренности), другая же к крайностям, в сущности противореволюционным. Одна ведет войну против всех энергичных патриотов и проповедует снисхождение по отношению к заговорщикам; другая исподтишка клеветает на защитников свободы, стремится уничтожить каждого патриота, кто хоть раз в чем-нибудь ошибся, а между тем закрывает глаза на преступные происки самых опасных наших врагов... Одна стремится воспользоваться своим влиянием или своим присутствием в Конвенте (здесь он имел в виду дантонистов); другая - своим влиянием в народных обществах (Коммуна, бешеные). Одна хочет обманом вырвать у Конвента опасные декреты или меры преследования против своих противников; другая же произносит опасные речи в публичных собраниях... Торжество и той и другой партии было бы одинаково опасно свободе и представителям народной власти». И Робеспьер рассказывал после этого, как обе партии нападали на Комитет общественного спасения с самого его основания.

Обвинив Фабра в том, что он хлопочет о снисходительности, «для того чтобы скрыть свои преступления», Робеспьер прибавлял:

«Минута, конечно, была выбрана удачная, чтобы проповедовать это трусливое учение даже людям с прекрасными намерениями, когда все враги свободы толкали к излишества в противоположном направлении; когда подкупная философия, продавшаяся тирании, забывала престолы из-за алтарей, противопоставляла религию патриотизму¹, ставила нравственность в противоречие с самой собой, смешивала дело религии с интересами деспотизма, всех католиков - с заговорщиками и хотела, чтобы народ видел в революции не торжество добродетели, а торжество атеизма, не источник народного благополучия, а разрушение нравственных и религиозных воззрений народа».

Из этих выдержек видно, что, если Робеспьер действительно не имел широты взглядов и смелости мысли, необходимых для того, чтобы стать вожаком революционных партий, он в совершенстве владел искусством пускать в ход те средства, которыми всегда удается вооружить так называемое общественное мнение против тех или других лиц. Каждая фраза в этом обвинительном акте - ядовитая стрела, бьющая в цель.

Что нас больше всего поражает, это то, что Робеспьер и его друзья не понимали роли, которую заставляли их играть истинные враги революции, «модерантисты», пока еще не наступила минута свергнуть монтаньяров. «Существует целая система толкать народ, чтобы он все уравнил, - пишет Робеспьеру его младший брат из Лиона, - если не принять мер, все дезорганизуется». И Максимилиан Робеспьер не шел дальше такого узкого понимания своего младшего брата. Усилия крайних партий подвинуть еще дальше революцию для него были не что иное, как нападки на правительство, к которому он принадлежит. Точь-в-точь как его враг Бриссо, он говорит, что эти крайние - орудия в руках Англии и Австрии. Коммунистические попытки в его глазах - не что иное, как «дезорганизация». «Нужно принять меры», - пишет он: нужно раздавить их - террором, гильотиной.

«Какие есть средства прекратить гражданскую войну?» - спрашивает он себя в одной заметке. И он отвечает:

«Наказать всех изменников и заговорщиков, особенно виновных депутатов и администраторов; послать войска из патриотов под начальством патриотов, чтобы усмирить аристократов в Лионе, Марселе, Тулоне, в Вандее, Юре и других областях, где поднято знамя бунта и роялизма; и дать ряд устрашающих примеров, казня всех злодеев, осквернивших свободу и проливавших кровь патриотов»².

Как видно, здесь говорит человек правительственного склада ума языком, на котором говорят всегда все правительства, но отнюдь не революционер. Поэтому вся его политика, начиная с момента падения Коммуны вплоть до 9 термидора (27 июля 1794 г.), оказывается совершенно бесплодной. Он ничем не предотвращает готовящейся катастрофы, которой должна закончиться народная революция, но многое делает для того, чтобы ее ускорить. Он не отвращает кинжалов, которые натачиваются в темноте, чтобы ими убить революцию; но он делает как раз то, что дает смертельную силу этим ударам.

¹ Из книги Олара (*Aulard A. Le culte de la Raison et le culte de l'Etre supreme (1793-1794)*. 2^e ed. Paris, 1904) можно убедиться, насколько противорелигиозное движение было, как раз наоборот, связано с патриотизмом.

² *Papiers inedit*..., v. 2, p. 14.